

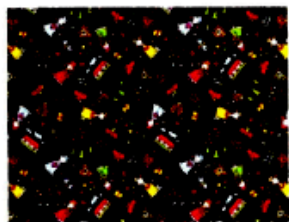
100-личная МЕТРИКА

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

КНИЖНАЯ СЕРИЯ 100-ЛИЧНАЯ МЕТРИКА КНИЖНАЯ СЕРИЯ 100-ЛИЧНАЯ

Александр ВОЛОВИН

Некая всячина

Александр ВОЛОВИК

*Пришла весна, весна, пора —
готовить суп из топора.*

*Сдох Пегас. Его протухло мясо.
Сто колбас сварили из Пегаса.
Я — поэт: шлифую ремесло.
Сел. Поел. Меня и понесло!*

НЕКАЯ ВСЯЧИНА

СТИХИ

2015

Александр Воловик, Некая всячина, стихи
«Нюанс», Таганрог. 2015 – 28 с.

ISBN 978-5-98517-344-4

В настоящую книжку входит множество мелких стишков, большинство из которых не публиковалось, тиражи публикаций остальных — минимальны.

Книжка состоит из 8 разделов. В первый попали стишки, которые я назвал бы «философическими», размышлизмы такие. Во втором разделе — стишки «социальной» направленности, так сказать, «гражданские». После этого идёт раздел лимериков. Четвёртый — неперенные стихи о стихах и пр. Далее, в пятом, нечто типа разнузданной лирики. Шестой раздел — пессимистические, минорные стишки, в которых автору жаль самого себя. В седьмом — несколько стишков житейского характера. И, наконец, в восьмой раздел попали все остальные произведения, которые некуда было больше приткнуть.

А сколько ещё осталось!.....

Автор

Как устроен этот мир,
знают Гегель и Шекспир.
Знают Гоголь и Спиноза,
Шишкин, Пушкин, Барбаросса,
Бебель, Крупская, де Сад,
Сталин, сален и усат,
шоумены и горнисты
шулера и замминистры
Крокодил, PLAYBOY, Вечёрка,
разных умников до чёрта,
Брахмапутра и Маршак.
Только я не знаю — как...

К МАТЕРИИ

Ты — пристанище духа.
Ты — сознанья квартира!
Что же лезешь ты, дура,
в эти чёрные дыры!?

Зачинателю звонкой идеи не страшно
закачаться, висая в мировом сквозняке.
И полез Галилей на известную башню,
разноцветную гальку имея в руке...

Что я могу сказать учёному,
не я, а этот стих, верней?
— Неисчерпаем кварк по-чёрному,
хоть на троих его разлей!

Сопоставленье мира с мифом
о мире — требует ума,
как мне одна сказала фифа,
довольно глупая сама.

ПОКУПКА ПИАНИНО

Я фиг бы знал про *forte, piano*,
бемоль, ха-молль или мордент,
когда б, заместо фортепяно,
купили, скажем, мы мольберт!
Зато на память и не охнув,
я б объяснить любому мог
про перспективу, сурик, охру,
про линию и про мазок.
И даже боязно представить,
какой в познаниях глубины
достиг бы я, когда бы справить
вместо мольберта — мне штаны!

Не отказывайте мне в праве человека —
как устроен этот мир, ничего не знать
и не ведать, шевельнёт ли Всевышний веком,
дабы поощрить меня либо наказать.

То эпоха пройдёт,
то сезон потепления —
пролистал, как роман,
задержал, как мгновение.
О костлявая вечность
с ручным управлением,
что изменишь,
когда остановишь мгновение?

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

Май знаменит синевой —
тут двух не может быть мнений.
Август силён грибами.
Сосульками март пропах...
Что хорошо зимой,
так это «зимнее время»:
целый законный час
нежишься в простынях.

Раз (в пылу, конечно, спора)
Архимед воскликнул: «Ну!
Дайте только мне опору —
землю всю переверну
на фиг!..»

Держись, Иудея!
Иду по воде я!

Раввин исподтишка в Алеппо:
— Крещенье, батюшка, нелепо!
А под Рязанью поп раввину:
— А обрезанье — поправимо?!

Лелею обособленность души.
Из злых глаголов выставил охрану.
Моя дорога к храму не спешит,
а именно проходит мимо храма.

Не подвергай меня харассменту
и об импичменте забудь,
ведь я тебе не девка красная,
не президент какой-нибудь...

Всё похерил век нечистый,
всё закрыл, лукавый бес!
Где лечиться? Где учиться?
Где мочиться, наконец!

Мысль о том, чтоб был к порядку
призван каждый иудей,
входит в первую десятку
государственных идей.

Мы фауну вниманием не оставили,
над тварью всякою расплачемся дрожа.
Они ведь нам меньшие братья, Авели.
И разве мы для них — не сторожа?

Богатые обслуживают бедных
в столовых и в салонах всей страны.
Богатые обжуливают бедных,
и бедные от этого бедны.

В состоянии помятом
расщепить невозможно атом,
и нельзя ругаться матом,
хоть и хочется весьма.
Я на мостике горбатом
занимаюсь сопроматом:
нам, практическим приматам,
это — пища для ума.

Определённые круги
сожрали с мясом пироги,
а также с луком и с вареньем —
с глубоким удовлетвореньем!

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека,
Вокзал. Менты и сторожа.
Вот, собственно, и всё. А это —
единственная жизнь бомжа.

ПЬЕСА

Новобранец До свиданья, други
и милые подружки.

Инженер: Я рисую дуги
и маленькие дужки.

Музыкант: Я играю фуги
и маленькие *фужки*.

Женщина наших лет: Слабай нам буги-вуги,
сбацаем, старушки!

Новобранец: Куда меня: на Север,
на Кубу, иль в Йемен?

Инженер: Я весь в ужасном гневе.
Дождусь ли перемен?

Музыкант: Бемоля нет в запеве,
диеза нет совсем...

Женщина наших лет: Хиляй отсюда, бэби,
герла я, а не мен.

Занавес

Однажды пролетарий
прорвался в планетарий.
Зашёл, а в планетарии
одни гуманитарии...

Стальные зады подъёмных кранов
копошились на краю котлована.
А из самого крайнего утром рано
высунулся передовик Ваня.

ПОЛКОВНИК ПРИКАЗЫВАЕТ ДОЛГО ЖИТЬ

(пьеса)

Рядовой: Тов. полковник! Рядовой Имярек
по Вашему приказанию прибыл!
Полковник: Рядовой Имярек, Вы живёте с женой?
Рядовой: Так точно, тов. полковник!
Полковник: Долго?
Рядовой: Никак нет, всего полгода,
тов. полковник!
Полковник: Приказываю: жить долго!

(приказывает долго жить)

Занавес

Не читал ни разу я
в предписание письменном —
инаугурацию
завершать импичментом.

Чемоданчик с кнопкой ядерной
у околицы нашла.
А зачем звезда у дяденьки
на околыше чела?

Покривилась и спеклась парадигма.
Счёт идёт не на рубли — на караты.
Правду трудно говорить и противно.
А что делать, господа демократы!

Красненькие ворота.
Чистенькие пруды.
Каменные палаты.
Праведные труды.

В ГОСТЯХ У СОЦИАЛИЗМА

*Кажется, пришёл к социализму в гости...
В. В. Маяковский*

На кране одном
написано «хол.»,
На кране другом —
«хер».

Старикан, не скажу имя-отчества
изрекал: «Ничего мне не хочется!»
А хотел-то — любви.
Такова се ля ви...
Да ему и теперь её хочется.

Старичок, проживавший в Таганке,
невзлюбил БТРы и танки.
он закинул протез,
расчесал ирокез
и подался с супругою в панки.

Старичок почитатель балета
всё скрывал свои многие лета,
был кругом молодцом,
но со скорбным лицом
шёл в трамвай и в метро без билета.

Старичок графоман из Оксфорда
сочинял не роман, а кроссворды.
Но решив свой кроссворд,
закричал он: «О чёрт!
Это ж лучший роман для Оксфорда!»

Мне нравятся первые леди,
а также вторые и третьи.
Мадам или фрау
мне тоже по нраву
и скво у меня на примете.

У седого завлаба из ЦЕРН'а
околела домашняя серна.
Знать, пошёл ей не впрок
электронный поток
с циклотрона завлаба из ЦЕРН'а.

Жил один сумасшедший в Австралии,
собиравший в мешочек фекалии.
Он потом аккуратно
рассыпал их обратно
по горам и равнинам Австралии.

Неудачливый бомж из Парижа
всё хотел переехать поближе.
Но бомжи из Москвы —
патриоты — не вы!
Не меняют Москвы на Парижи!

Два еврея из Новой Гвинеи
знать не знали, что значит «евреи».
Но их вождь (сам из гоев)
их держал за изгоев:
за евреев из Новой Гвинеи.

Диссидент с мыса имени Дёжнева,
в своё время обидевший Брежнева,
с незапамятных пор
власть не видит в упор
с мыса этого... как его... Дёжнева.

Некий фраер в Антананариве,
проживавший по липовой ксиве,
как-то здорово влип,
ибо отроду лип
не видали в Антананариве.

Шофера и шахтёры Игарки
получают на бедность подарки.
Из Афин кружевница,
безработный из Ниццы
помогают далёкой Игарке.

Президент Тринидад-и-Тобаго
жёл с утра и до ночи бумагу —
в интересах прогресса!
И свободная пресса
умерла в Тринидад-и-Тобаго.

Крысолову из города Гаммельна
звуки флейты казались неправильны.
Он однажды на крыс
заорал просто: БРЫСЬ!
И сбежали все кошки из Гаммельна.

Жил старик, старый рикша, в Кашмире.
Жил, в кошмаре жары дебоширя.
И, от жаркого солнца
превратившись в японца,
совершил харакири в Кашмире.

IV

Душа Поэта — это же термометр!
В ней трепет ртути стонет и стыдит.
Прозаик же напротив: арифмометр —
Тыр-тыр — и вот вам дебет и кредит.

Стихи мои — праздник: шутих
в них много, хлопушки и вата.
И краткость присутствует в них.
Вот с братом её плоховато.

Мне нужен в каждой строчке,
как говорится, фольтик,
чтобы оттуда рожки
казал весёлый чёртик.
А через годы — Ну-ка! —
матёрый крикнет чёрт, —
Поэзия — наука,
искусство или — спорт?!

Весна! Пора постмодернизма.
Хоть и не Болдинская, но — ...
Эх, пропадай моя харизма —
все четыре домино!

Баллада должна быть с сюжетом.
Всегда надо помнить об этом.

Через палиндромы и скороговорки,
по лимерикам и сквозь каламбура́
я дошкандыбаю до вербальных оргий
на пуантах, то есть на кончике пера.

На службу ль тороплюсь, иль еду ли домой —
мне хочется спросить себя в своей тетрадке:
— Козьма, невыносимый пращур мой!
Зачем твои власы подъяты в беспорядке?

Графомана эпигон
призывает выйти вон.
Эпигону графоман
говорит: «Держи карман!»
Графоману эпигон
говорит, что он бурбон.
Эпигону графоман
отвечает: «Сам болван!»

Иной вовсю глаголу рад
и жжёт сердца им обязательно.
А мне он — полуфабрикат
для отглагольных прилагательных.

Со временем становимся мы мудрыми,
постигнув жизни нудное ученье:
шедевры создаются ежеутренне,
а в унитазах летят — ежевечерне.

В моей душе темно и пусто,
все растерял ориентиры я,
и я не делаю искусства,
его искусно имитируя.

Мещане спят, сто грамм приняв —
без всякого движения.
А гений — нюхает рукав
и ловит вдохновение.
А гений скушал огурец
и снова пьёт галлон до дна...
Нам не хватает позарез
такого Джека Лондона!
Ему на градусы начхать —
махнёт, заест оладушком,
а после — как пойдёт махать
резцом, или по клавишам...
Поднёс и я б ему стакан,
да хоть бы виски с содовой! —
и ни хрена б он не был пьян,
ещё б и не распробовал.
Кричит: «Давай!», кричит: «Ещё!» —
кто гениальней гения!..
Вот и мораль. Ну, я пошёл.
Привет. Мое почтение.

Я слово позабыл, что я хотел сказать.
Я мысль забыл, что я хотел подумать.
Забыл фломастер и тетрадь. Забыл пожрать.
Забыл, кто я и что такое рифма.

V

НЕПАРНЫЙ ШЕЛКОПРЯД

Укусил шелкопряд шелкопрядку
за ея уязвимую пятку.
Хулиганил напрасно ты, парень,
вот теперь и остался непарен.

У кого-то едет крыша —
у меня — полуподвал.
Да практически я выше
никогда и не бывал.

День без строчки — ничего.
Два без строчки — ничего.
Три без строчки — ничего!..
И она таки стала — *его*.

К***

У Вас гордыня из смиренья
торчит, как дыня из варенья.

Люблю искусство и науку
за их великие дела.
Сам А великий дал мне руку
и Б великая дала.

В воспоминаньях стариков —
вкусная жизнь юных.
Я же и прежде был не таков:
не матерился, сплюнув,
девочек (школьниц) не целовал,
не бастовал студентом,
и не грозил мне лесоповал,
как, например, диссидентам.
Напропалую не бегал в театр
и пионерским утром
я ничего не читал из-под парт.
Разве что «Каму Сутру»

Шёл за милкой во лесок,
поднял милкин волосок.
Не склоню я милую,
дак я её *склонирую!*

Как тресну кулаком по столу я!
Да как вспомню про такую-то мать!
— Умри, но не давай поцелуя!
Моду взяли — поцелуи давать!..

Пой, либидушко, песню либидную
про любовь про мою неликвидную.

ГРАФИН И ГРАФИНЯ

Я думал: в графине вода
и пригубить хотел эту воду.
А графиня была молода
и дала сгоряча мне в морду.

Зачем одеваться, моя дорогая,
не прячь под одеждой красы.
Адама и Еву прогнали из рая
за то, что надели трусы.

Маскарад: Адам в костюме Евы.

О, счастливец!..
Она снимает лифчик!..

Ввалишься, злой и голодный, как волк —
тут же жена, как мегера, с работы.
Выполнишь, как же, супружеский долг!..
Снова сухие взаимозачёты.

— Зачем тебе жена чужая?
Ведь у тебя своя семья!
— Одно другому не мешает, —
цинично отвечаю я.

Повстречала босса я,
голая и босая.
Голая и босая,
повстречала босса я...
Да, сказать по правде, босс
тоже был и гол, и бос.

ЧАС ПИК

Ты стоишь ко мне так близко,
прислонясь к стеклянным стенам,
что меня, как террористка,
поражаешь сексагеном...

Скушал яблоко Ньютона,
взвесил — Евы и Адама.
Оказалось, надо было
поступить наоборот...

Некурящий и непьющий,
целомудренный почти —
Боже правый, всемогущий,
я же ангел во плоти!

ЭЛЕГИЯ

Долго кратковременный
собирался дождь.
Ты была беременной.
Я, напротив, тощ...

VI ***

Всю б жизнь легко — гулякам праздным —
пройти нам.

Да не проходится по разным
причинам.

Недолго буду тем любезен я и этим,
а может, кто вообще со мною не знаком,
ведь изо всех Римов видал я только третий,
а из свобод — статуй на снимке нецветном.

НЕУДАЧИ

Там винт не вертится, там шина не годится.
Казалось, перси — оказалось, ягодица.
Весь профит пропит как-то ненароком.
Анфас и профиль выходят боком.

Синие птицы счастья носятся в облаках.
Удачники рвут на части перья с подобных птах.
А мне — даже если сладить
удастся с ней кое-как —
я верю: она обгадит мой выходной пиджак.

Пуская в ход приметы и уловки,
шептала ты ему на остановке:
— Я жду тебя! Приди и будь моим...
Тридцать девятый был неумолим.

ЖАЛОБА

Всё хреново. Жизни нет — во-первых.
Во-вторых, непоправимо стар.
И моих литературных перлов
не берут в печать и гонорар,
соответственно, не начисляют
(зря стихом набряк я и пропах)...
Там болит. Тут тянет. Там стреляет.
Нет зубов, и глаз — не ватерпас.
Гололёд. Коррупция. Теракты.
Времени, и денег тоже — нет
Всё хреново. Дальше по порядку —
вплоть до положения в стране.

Лапой в клоповник попал Полкан.
Клопа и Полкана жалко...
Над клапаном плакал полковник Каплан:
в клапан упала палка.

БУДИЛЬНИК

Счастливые будильников не ставят.
А если ставят, значит, не заводят.
А если и заводят, то — на поздно.
А если и на рано, то — не встанут.
Счастливые будильников не ставят.
Они кладут будильник под подушку.
Они — если будильник их разбудит —
его швыряют прямо за окошко.
Счастливым невдомёк, что за окошком
несчастные торопятся на службу.

ЗАВИСТЬ

Дело, может быть, совсем не в том,
что́ за дело, важно — кто создатель.
Кто получит яблочком — Невтон
по балде, иль просто обыватель.

Я б сказал, к примеру, — «*Надоел
ямб четырёхстопный: всяк строчит им*» —
и сонет *октавой* бы пропел...

— Хрен он был бы кем-нибудь прочитан!
А однажды Гений и Талант
в строчку приведёт *милищанера*
и глядишь — он Автор и Гигант,
всякая стена ему — фанера.
Он как хочешь — так и колбаси.
Я ж — как ни выпендривайся — тщётно.
Ни тебе народного *мерси*,
ни на презентации фуршета.

Здоровому бомжу всё хоть бы хны.
Не как царю, кривому от хворобы.
Но все бомжи хоть чем-то да больны.
Монархи же, как правило, здоровы.

Навёл порядок на столе
и начал жизнь сначала.
Такую жизнь, чтоб на сто лет,
а не на полчаса.
Цвёл отражением в стекле.
А это означало,
что всё путем, и время тлеть.
И праздник начался.

ОЛАДЫ

VII

Я весь в руде, и, вроде, в радий
её, словесную, дробил.
И захотелось вдруг оладий,
и я оладий попросил.
Я думал: «О, когда, когда же!..»
и топотался у плиты...
Вот сковородка, соль и даже
дрожжей уже вложила ты...
Пока ты жарила оладьи,
а я одну упёр, как вор,
сел воробей на бюст Палладе
и кукарекнул: «Невермор!»

ДИАЛОГ ПРО ФАЙФ О КЛОК

— Файф о клок, — говорите?
— О клок, говорю.
— Попрошу, повторите...
— Оглох? — Повторю!
Говорю: файф о клок!!..
— Что же жду я!?
И — бежать со всех ног
в проходную.

Кругом народ. И я с моим народом
накоротке.
Дышу совместным сероводородом
в одном совке.

Если в двери позвонят, отворю без гнева.
Даже «Кто там?» не спрошу, не настожён.
— Вы ошиблись, господа, тут — восьмое небо.
Небожители живут ниже этажом.

Когда налом дают ассигнации,
васильки расцветают в душе.
Я сказал: «Терабайт информации —
это ж хрен его знает, вообще!»

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

Как-то унывается
по различным поводам.
На Петра Ивановича
замахнулся проводом.

Симе

Когда иду я умываться,
а там побриться мне придётся —
со мною можно целоваться
и не бояться уколоться!

- У замка кого там узнал по колготам?
- Ну, жену же!
- За ту же монету что нужно поэту?
- Нужен ужин.

Приближалось время к двум.
Я напрѣг свой потливый ум.
Но лёг в трёх часа спать — нет сил.
Электричество погасил.

К***

Я не стану пить вино и пиво,
даже пищу буду есть без соли —
только б Ваше время наступило
на мои любимые мозоли!

Мечусь, как пума по вольере,
к тебе имею интерес.
Ты — Моцарт? — Значит, я — Сальери.
Ты — Пушкин? — Ну, а я — Дантес!
Прибью, приличия отринув
и гневом праведным горя...
Ты — Лермонтов? — А я — Мартынов.
Ты — Дездемона? — Яго я!!!

БАЛАГУР

Она ругала всех гуртом,
А он был балагур.
Она сказала: «Вот дурдом!»
А он сказал: «Дом дур».

ПИВНАЯ ОПЕРА

(музыка тоже моя)

Дама: Выпила пивка я!
Хор: Вот она какая!

Занавес

Ксенофонт — Теренцию:
«Все — на конференцию!»

Я вообще-то домосед, не бываю в ГУМе я.
Мне бы в чайную сходить,
выпить чай с печеньем...
Хорошо бы этот бред моего безумия
не попался в руки лиц,
связанных с лечением.

Я, как газ, влетаю в лоно
полуполного баллона.
В этот газовый баллон
влазит базовый галлон!

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Уважил дядю честных правил
И — на село, наследство взяв.
Татьяну Ларину оставил
Покамест в девках. И в слезах.
К крестьянам добр, но зол на деле,
Довёл он друга до дуэли,
Где самолично застрелил
И сразу за рубеж отбыл.
Вернулся, и — на бал. Татьяна —
за Греминым. Ну, ничего.
Он просит, чтоб она — его
Была. Она в ответ: «Не стану!»
Какой позор! Какой скандал!..
Его я больше не видал.

Итак, я жил тогда *вот здесь*...

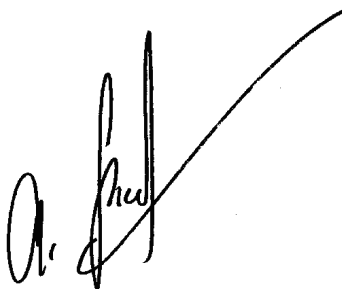
— Хозяин, ток пойдёт, хотя нескоро.
Я ж не могу велеть ему: теки!
Когда меня учили на монтера,
я получал одни лишь тройки.

БАБА С ВОЗУ...

Когда красавица выходит из кареты
и шелестит щекотным шёлком кринолина
или в наряде от Диора да Версаче,
захлопнув дверцу, покидает иномарку —
мгновенно ввысь уходит нежный истребитель,
сучит копытами мустанг членистоногий
и распирает вольный пар локомотивы
экономической силой лебединой.

...И вот пришёл такой момент,
такое время наступило
мне на мозоль — едва сумел
вбок отскочить, но встал на вилы,
на грабли то есть, и летит
их черенка конец дубовый —
сперва казалось, что в зенит,
но вижу — нет

Время — час пик.
Я зашел в тупик.
Подпись: Воловик.

A handwritten signature in black ink, consisting of a stylized 'A', a vertical line, and a large checkmark-like flourish.

СОДЕРЖАНИЕ

I.....	3
II.....	6
III.....	10
IV.....	14
V.....	18
VI.....	22
VII.....	25
VIII.....	27

Александр ВОЛОВИК

Некая всячина

Стихи

Подписано в печать 04.09.2022.

Лит.-худ. изд. Формат 60x84¹/₂₄

Гарнитура «Verdana»

Вёрстка: А.И. Воловик

Издательский дом «ВРУЧНУЮ»